

18+

Евгений Дорошенко

Дети и Лес

Евгений Дорошенко

Дети и Лес

<https://litres.ru/74369718>

ISBN 9785007091831

Аннотация

Брат и сестра отправились в лес, чтобы насобирать грибов и цветов, порадовать ими свою больную маму. Но встретилось им на пути нечто древнее, давно забытое, оставшееся в легендах, старых сказках...

Дети и Лес

Евгений Дорошенко

© Евгений Дорошенко, 2026

ISBN 978-5-0070-9183-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

Сырое осеннее утро казалось застывшим. Ночной дождь оставил после себя лишь тяжёлую влагу и запах прелой земли. Трава под ногами была холодной и скользкой, а листья, теряя цвет, сворачивались в сухие безжизненные кольца. Земля, напившись водой, словно проснулась: из-под почвы стремительно пробивались грибы, заполняя лесные опушки своими бледными бесформенными телами.

— Мам, ну можно нам за грибами? — Славик заглянул в комнату, нарушая тишину.

Мать не открыла глаз. Её голос, обычно мягкий, теперь звучал глухо, как будто она говорила из глубины колодца.

— Опасно, сынок. Запомни: в лес — ни ногой. Слышишь? Ни ногой.

Улыбка сползла с лица мальчика. Он представил, как в

кастрюле закипает горячий суп и как это тепло вернёт жизнь в её измождённое тело. Болезнь медленно, шаг за шагом, отнимала у матери силы, оставляя лишь тень той женщины, которой она была раньше.

— Славя, — мать с трудом сфокусировала взгляд на дочери, — присмотри за ним. Он не усидчив, а ты у нас старшая и ответственная.

Славя кивнула. Она привыкла. С тех пор как отца не стало, их мир сузился до размеров этого дома и бесконечного списка дел: доить корову, собирать яйца, следить за хозяйством. Жизнь была борьбой за выживание, где каждый заработанный грош был на счету.

Ноги матери ныли от перемены погоды, а вместе с болью пришла странная глубокая сонливость. Сознание уплывало, уступая место снам, которые казались ей реальнее самой жизни. Ей снилось, что всё осталось как прежде: муж жив, в доме пахнет хлебом и они вчетвером счастливы, не зная, какая тень нависла над их семьёй.

— Мама спит. Пойдём? — прошептал Славик.

— Мама запретила! — Славя резко ударила ногой по полу, пытаясь скрыть тревогу. — Мы остаёмся.

— Ну и зануда, — брат надулся. — Ты вечно меня за руку держишь. Я пойду за грибами, а ты — за цветами. Маме станет лучше, вот увидишь.

Славя замерла. Слова брата попали в цель. Она тоже хотела принести ей что-то живое, что-то, что не пахло бы бо-

лезною и старым деревом.

— Ладно, — сдалась она, — но только по краю. Никакой чащи. Только поближе к деревне.

Дети накинули тёплые свитеры и вышли в туман. Лес встретил их тишиной. Туман был настолько густым, что казался осязаемым; он обволакивал тропинку, скрывая то, что находилось всего в паре шагов. Опавшие листья, подхваченные ветром, кружились вокруг них, словно невидимые спутники. Было неудобно, но пока они держались за руки, страх отступал.

— Идём, я да сестрёнка, собирать грибочки! — Славик размахивал палкой, найденной в грязи, и его детский голос казался слишком громким в этом безмолвном пространстве.

— Тише ты! — шикнула Славя. — Вдруг местные охотники нас услышат? И про цветы не забудь. Я здесь никаких красивых не вижу.

— Ладно, ладно... — он запел тише, но не остановился. Брат тянул её за собой, и Славя не заметила, как они незаметно сошли с тропинки.

— Смотри! Рога! — Славик замер, указывая в сторону кустов.

— Оленёнок! — глаза Слави вспыхнули. Ей всегда нравились лесные жители, в их присутствии она чувствовала себя частью чего-то великого.

Они затаили дыхание, стараясь ступать бесшумно. Из-за густых зарослей виднелись лишь костяные верхушки рогов.

Сердце Слави бешено колотилось от предвкушения.

Славик не смотрел под ноги. Сухая ветка хрустнула под его весом, разрезая тишину, как удар хлыста.

Зверь вздрогнул. Но вместо того, чтобы убежать, он начал меняться. Животное поднялось на задние лапы, становясь неестественно высоким, почти человеческим в своей грации. Оно возвышалось над детьми, и в этом движении было что-то глубоко неправильное, ломающее законы природы. Раздался рёв — протяжный, вибрирующий, от которого заложило уши. Прежде чем дети успели вскрикнуть, тень бросилась на них.

II

Дровосек выполнял свой привычный, монотонный труд. В воздухе уже пахло скорой зимой, и он старался набрать как можно больше запасов, прежде чем земля застынет под первым снегом. Работа была тяжёлой, но привычной: звон топора о дерево разносился по округе, отмеряя ритм его дня.

Когда тележка была заполнена, он двинулся в сторону деревни. Осень взяла своё — почва размякла, превратившись в вязкую чёрную жижу. Колёса телеги то и дело застревали в грязи, издавая утробный чавкающий звук. Дровосек стиснул зубы, упираясь сапогами в скользкую землю, и потянул груз на себя, стараясь не смотреть по сторонам.

Внезапно его взгляд зацепился за нечто странное. Прямо

в центре развороченной колеёй тропы виднелся глубокий, отчётливый отпечаток.

«Медведь?» — мелькнула мысль, и по спине пробежал неприятный холодок. След был слишком крупным, слишком чётким для простого зверя. Дровосек замер, всматриваясь в форму лапы. В голове сразу возник план: предупредить охотников, заставить людей запереть двери и не соваться в лес.

Он поспешил. Дрова были брошены в дровяник почти небрежно — мысли уже были далеко. Он направился к дому знакомого охотника, но там царила мёртвая тишина.

Дом выглядел заброшенным. Дверь была заперта наглухо, и это не сулило ничего хорошего. Семья охотника — его жена и маленький сын, почти ровесник тех двоих детей, о которых он только что подумал, — обычно не оставляли дом пустым.

«Ушёл на охоту? Но он должен был вернуться еще к обеду...» — Дровосек нахмурился, чувствуя, как внутри нарастает глухое беспокойство.

Он решил зайти к старому охотнику-ворчуну, чтобы прояснить ситуацию, и направился через центр деревни. Но путь ему преградила толпа.

Люди столпились у колодца, образовав плотное давящее кольцо. Среди них выделялся охотник, чей дом пустовал. Он пытался положить руку на плечо женщине, которая буквально захлёбывалась в рыданиях.

Это была Ольга. В деревне её уважали: несмотря на веч-

ную усталость и болезни, она всегда находила силы улыбаться своим детям. Она была сердцем этого маленького сообщества. Но сейчас её сердце, казалось, было разбито вдребезги. Она сидела на коленях прямо в грязи, закрыв лицо руками, и её крик, надрывный и дикий, резал слух сильнее, чем звон топора.

— Мои дети! — закричала она, и в этом крике не было надежды, только первобытный ужас. — Ушли в лес! Непоседливые... пропали!

III

Ольга очнулась от странного чувства пустоты. Сделав глоток воды из треснувшего стакана, она почувствовала, как слабая жизнь возвращается в тело, и поднялась, чтобы покормить скот.

— Дети! Славик! Славя! — позвала она, и голос её дрогнул.

Ответа не было. Она заглянула в каждый угол, под каждую кровать, проверила сарай и курятник. Тишина в доме была не просто спокойной — она была мёртвой. Дети словно испарились, оставив после себя лишь холодную пустоту.

Холодный липкий ужас коснулся её сердца. Она знала: если Славик решил пойти в лес, он пойдёт. А если он потянет за собой сестру... Ольга бросилась к двери, не разбирая до-

роги. Единственной надеждой был Василий, охотник, старый друг её покойного мужа, их общий одноклассник. Только он мог помочь.

Она бежала, не чувствуя земли под ногами, но внезапная острая боль, словно раскалённый гвоздь, пронзила поясницу и прострелила всё тело до самых пяток. Ольга вскрикнула и рухнула на колени, сминая в ладонях грязь. Боль в разбитых коленях была ничем по сравнению с той дырой, что разверзлась у неё в груди.

Она рыдала, захлёбываясь, не понимая — смеются ли над ней прохожие или сочувствуют. В этот миг она чувствовала себя абсолютно безнадёжно одинокой, как в тот день, когда похоронила мужа. Но деревня не осталась безучастной. Люди начали сходитьсь, образуя вокруг неё живое дышащее кольцо.

— Оль, что случилось? — Василий, мужчина с густыми жёсткими усами, схватил её за плечи.

— Дети! — она вцепилась в его рукава так, что побелели пальцы. — Пропали! Вася, помоги мне, прошу!

Охотник мгновенно подобрался. Он не тратил времени на вопросы — сразу отправил сына за вторым охотником. Мальчишка, знавший лес не хуже взрослых, сорвался с места. Для него эти дети были друзьями, и в его глазах уже застыло недоброе предчувствие.

— Славик хотел в лес, за грибами... — Ольга забилась в его руках, как раненая птица. — Я же просила Славю при-

глядеть за ним! А теперь... их нет!

— Успокойся, Оля! — Василий пытался перехватить её панику, но его собственный голос звучал напряжённо. — Может, просто заигрались? По деревне бегают?

— Нет! — она вскинула голову, и глаза её блеснули безумным мистическим ужасом. — Сердце чует... Сердце матери не обманешь!

— Да с чего это твоё больное сердце так решило? — пытался спорить он, но Ольга уже не слышала.

— Они всегда дома, когда я сплю, — прошептала она, и этот шёпот был страшнее крика. — Они боятся, что я не проснусь... А всё после того случая...

— Твой приступ тогда всех на ноги поднял, — перебил её Василий, смягчившись, — и на детях тоже сказался. Но сейчас не время об этом!

Сын охотника привёл к колодцу Матвея Ивановича, старейшего охотника деревни. Его глаза, подёрнутые дымкой лет, внимательно изучали толпу.

— Вася, что за шум? — проскрипел старик. — Мальчишка пропал?

— Дети Ольги, Матвей Иванович. В лес, поди, ушли.

— Ох ты ж... — старик осёкся, и его лицо мгновенно посерьёзнело. — А если волки?

Сердце Ольги пропустило удар. Перед глазами вспыхнули страшные картины, но она отчаянно пыталась их отогнать, задыхаясь от собственной мысли.

— Вот же ж кобыле по копыту! Чего встали как вкопанные? — рявкнул Матвей Иванович, обрывая шёпот толпы.
— Живо врача ищите, пока клуша не откинулась!

Василий, не теряя ни секунды, подхватил Ольгу на руки. Она была слишком слаба, чтобы идти самой.

— Матвей Иванович, — бросил он через плечо, — готовьте ружьё. Как только доставлю её в лазарет, сразу приду.

— В лес собрался? — прищурился старик. — Вот окаянный...

— Да, — голос Василия стал холодным и твёрдым. — Мы идём в лес на поиски.

IV

— Матвей Иванович? — дровосек подошёл к старику, стараясь не слишком тревожить его. — Меня зовут Тихон.

Старик поднял на него мутный взгляд.

— А, лесоруб наш объявился... Чад Оленьки там не встречал?

— Детей нет, — глухо ответил Тихон. — Но я видел следы. Медвежьи.

Матвей Иванович нахмурился, и в его глазах мелькнуло сомнение.

— Медвежьи? Чего это мишка забыл в наших краях? Не ошибся ли ты?

— Лапу медведя узнаю из тысячи, — в голосе Тихона за-

звенела сталь. — Поклясться готов: махина была огромная. Настоящий медведь.

Старик тяжело вздохнул, и этот вздох был полон дурных предчувствий.

— Господи... А если он их задрал?

— Вот именно поэтому, Матвей Иванович, вам с Васей нужно поспешить, — отрезал Тихон.

— Поспешим, — кивнул старик. — Только дождусь Васю. В одиночку на медведя соваться — гиблое дело.

Василий действовал на пределе возможностей. Как только он доставил Ольгу в лазарет, он бросился домой. Жена была на работе, а сын сидел на кухне. Мальчик пытался пить чай, но чашка в его руках мелко дрожала, выбивая drobный тревожный ритм о блюдце.

— Папа... ты идёшь в лес спасать Славика? — голос ребёнка сорвался на шёпот.

Василий замер. Он посмотрел на сына, и на мгновение ему показалось, что он видит в нём пропавших детей. Предчувствие беды стало почти осязаемым, как холодный туман.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.